

«Как скучно В нашем гарнизоне!»

— пожаловались молодой офицер и его супруга. После разговора с ними Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, народный артист СССР Евгений Нестеренко и принес в редакцию это письмо, адресованное всем молодым обитателям военных городков.

ПИШУ это письмо под влиянием недавней встречи с молодой супружеской четой, Валентина и Сергей зашли ко мне в гримбуторную после сольного концерта. Время для беседы, откровенно говоря, не самое лучшее: когда гаснут огни лампы и зрители покидают зал, на артиста, отработавшего два отделения плюс «бисы», наваливается такая усталость, что о теплом душе и отдыхе мечтаешь, как о манне небесной. Но с первых же слов молодого офицера и его жены я понял: надо дать людям выговориться, дать поделиться своей болью. А потом разговор с ними так взволновал меня, что, как видите, решил я его продолжить, перенеся с помощью «Красной звезды» на всю офицерскую аудиторию. Я ведь сам сын кадрового военного, рос в гарнизонных городках, и заботы Вали и Сергея мне понятны, хотя с их позицией никак не могу согласиться.

Я узнал, что живут и слушают мои неожиданные знакомые в скуке невыносимой. В клубе части, кроме старых кинофильмов, практически ничего не бывает. Гастролеры объезжают их «дыру» за многие километры. Командование совершенно не интересуется, как проводят свободное время офицеры и их семьи. Да и времени-то этого свободного у мужа кот наплакал. Пятилетнюю дочку видит чаще всего спящей, сумест ее в садик утром отвечает — уже праздник. А на чем девочка растет, как она развивается? Телевизор вместо няньки?..

Очень мечтают Сергей и Валентина попасть служить в большой город. Вот тогда наверняка заживут они полноценной, интересной жизнью. А пока...

Я слушал и с горечью представлял себе эту часть, где офицеры и прапорщики ждут, когда командование наладит клубную работу, а солдаты считают дни до «дембеля», за которыми им греются концерты и выставки, участие в самодеятельности, да и просто танцы. Человек не может жить безо всего этого, но что же, выходит, сам он не в состоянии создать вокруг себя эстетически организованную среду?

Мой отец был обычным армейским офицером со всеми вытекающими отсюда последствиями — дальними гарнизонами, предельной занятостью по службе. И тем не менее человеком, любящим музыку, литературу, искусство вообще, я стал именно потому, что так воспитывали меня родители — Евгений Никифорович и Екатерина Степановна Нестеренко. Да и как артист-профессионал я по сей день постоянно опираюсь на ту бесценную эстетическую и духовную базу, которая была заложена в семье.

Отец прошел всю войну, дрался на многих фронтах — в том числе и под Сталинградом. Мать ждала его беззаветно, сумев в неимоверно тяжелых условиях сохранить жизнь мне и сестренке Тане. Наградой ей, скромной учительнице, было возвращение мужа с войны — живым и невредимым. Я помню, как встретились эти два любящих сердца...

Когда отец поступил в бронетанковую академию, мы жили в узенькой, как пенал, комнатке в московской коммуналке. «Грыз науку» он неистово, пропадав в академии целыми днями. Но как мы ждали его по вечерам! Вдвоем с матерью они читали в лицах пьесы русских и зарубежных драматургов, декламировали стихи. Часто папа снимал со стены гитару. Тогда я впервые услышал

знаменитую «В землянке» — «Бьется в тесной печурке огонь...». Отец рассказывал, что приехала к ним на передовую бригада артистов и один из них спел эту песню. Красноармейцы и командиры просили ее повторять еще и еще, пока не запомнили мелодию, а слова записывали на клочках бумаги для самокруток. А сколько других песен услышал я от отца — советских песен, русских народных. Хотя, если быть объективным, папа не обладал сколь-нибудь заметными вокальными данными. Зато он прекрасно понимал: ничто так не облагораживает душу человека, как музыка.

Когда мы переезжали к новому месту службы и поселились в очередной казенной квартире, мать с отцом первым делом устанавливали этажерку для книг и определяли место для патефона с набором пластинок. Потом, священнодействуя, расставляли по местам томик за томиком, диск за диском, а мы с сестрой им помогали.

В нашей скромной семейной библиотеке была книга «Дни и годы П. И. Чайковского», которую отец подарил маме перед самой войной. Едва научившись читать, я подолгу перелистывал ее, еще слабо понимая содержание, но раз и навсегда усвоив, что Чайковский — это что-то великое и светлое, если о нем с таким восхищением говорят родители.

Позднее, повзрослев, я навсегда полюбил его сочинения. Но мог ли тогда даже предположить, что пройдет время и на Международном конкурсе имени П. И. Чайковского мне будет присуждена золотая медаль лауреата?

Кстати сказать, родители никогда не навязывали нам своих вкусов. Просто мы им очень верили, они увлекали нас своими пристрастиями, на равных обсуждая с детьми впечатления от концертов, новых книг, и нам самим хотелось читать то же, что и они, узнавать их любимых художников, вместе слушать пластинки любимых исполнителей.

Лет в двенадцать (к тому времени мы оказались в Челябинске) я получил возможность учиться музыке. Но, проучившись два года, забросил занятия на фортепиано. Ни отец, ни мать не стали меня принуждать насильно, отчего, я теперь понимаю, врожденная для ребенка тяга к музыке была сохранена во мне неискупанной. Потом меня снова потянуло к инструменту, я стал заниматься самостоятельно, начал пробовать робко пробивающийся басок. И здесь родительский такт сыграл немаловажную роль: отец и мать не восторгались проклонившимися способностями их чада, а если и поощряли, то ни я сам, ни окружающие этого не замечали.

Не могу не вспомнить словом благодарности еще один источник моих музыкальных привязанностей — военный духовой оркестр. Будучи начальником военного училища, отец, что называется, лежал и пестовал оркестр. Во многом благодаря его заботам и стараниям музыкальный коллектив нормально жил и развивался, пополняя репертуар интересными, порой редко исполняемыми произведениями. О популярных маршах и вальсах и говорить не приходится, но именно на концертах училищного оркестра услышал я впервые произведения Обера и Гуно, Глинки и Мусоргского.

Когда кто-нибудь из курсантов, молодых офицеров или нас, детей, говорил, что не смог понять какое-то произведение, отец всегда совето-

вал: послушай еще раз, перечитай снова, подумай — и ты все поймешь; музыка, стихи, проза, живопись — все это создается для самых обычных людей, надо только дать себе труд вдуматься, о чем хотели тебе сказать. И так же поступали сами: мама и отец вовсе не считали себя знатоками, просто они не хотели и не могли — это стремление свойственно всем интеллигентным людям — замыкаться в рамках сиюминутных житейских забот.

Почему я так долго и подробно вспоминаю об этом? Да потому, что не идут из головы грустные рассказы Сергея и Валентины. И не дает покоя мысль, что эта молодая чета в армейской среде, по всей вероятности, не исключение, хотя очень хотелось бы тут ошибиться!

Ведь офицерская семья — это маленькая, но очень важная ячейка гарнизона. Так, как я рассказываю о своей семье, естественно, каждый в своем ракурсе, могли бы говорить десятки моих сверстников, таких же гарнизонных мальчишек. Ведь в каждом семействе были свои увлечения, своя «изюминка», сослуживцы отца гостили друг у друга и, хотя хозяйки, конечно, стремились блеснуть своими кулинарными талантами, ходили не столько на пирог, на блины или пельмени, сколько на интересный разговор — поведение, стиль общения определяла неумная жажда что-то узнать и чем-то поделиться. И привычные друг другу люди раскрывались всякий раз по-новому, ибо шел непрерывный процесс взаимного духовного обогащения. Как сплывали эти дружеские связи, которыми был пронизан весь гарнизон без различия служебного положения и воинских званий! Сейчас бы, наверное, это назвали одной из черт демократизации армейской жизни...

Неужели все потеряно безвозвратно? Не верю! Наверняка в каждом гарнизоне есть несколько семей, способных сделать в городке «погоду», задать тон, как говорится. Может быть, им только надо помочь это сделать — помочь, не организовать! — силами тех же клубных работников, комсомольских активистов: помочь отомкнуть дверь квартиры, шагнуть за ее пределы навстречу товарищам — офицерам, солдатам, сержантам. Ведь столько в каждой части собрано людей из разных уголков страны, у каждого свои наблюдения, знания, опыт, что-то увиденное за душой; и вместе с ними, в общем-то, совсем не сложно раздвинуть стены гарнизонного городка до пределов всей нашей Родины, всех ее интеллектуальных богатств.

Недавно мне рассказали потрясающий эпизод. В Ленинграде в Русском музее мой знакомый увидел необычную группу. Тоже молодая пара, но в сопровождении пожилой женщины и девочки лет 10—12 обходила картины, подолгу задерживаясь возле каждой. Девочка и ее, видимо, бабушка подробно рассказывали, что и как изображено на полотне, а двое — мужчина и женщина — внимательно их слушали. Оказалось, они — слепые! Незрячие люди на выставке живописи. Как же велика должна быть тяга к культуре, чтобы вот так, хотя бы чужими глазами, стремиться увидеть шедевры национального искусства, прикоснуться к ним душой, внутренним оком.

А молодые, здоровые, образованные люди киснут в гарнизоне от скуки.

И ведь не только сами «киснут». У большинства из них растут дети, в казарме офицера ждут доверенные ему на воспитание молодые люди в солдатской форме. Ведь их надо сделать не просто бойцами — людьми, взрослыми людьми они должны выйти из стен армейской школы. Людьми, всесторонне развитыми.

Нет, не хочу высказывать нравоучительные сентенции о том, как научиться жить полнокровной духовной жизнью, как правильно воспитывать детей, прививать высокий вкус подчиненным, не хочу вставать в позу ментора. Поэтому я просто рассказал вам о своих родителях, о том, как жили мы когда-то в обычной офицерской семье. Рассказал в надежде, что пример этот кому-то пригодится...

Евгений НЕСТЕРЕНКО,
народный артист СССР.